

кращения дела. Определяя значение мотивировки процессуального решения как его внешнего выражения законности и обоснованности, Ю.В. Манаев поясняет, что мотивировка является выражением законности решения, поскольку соответствующее требование включено в процессуальные нормы. Но коль скоро мотивировка означает приведение доказательств, обоснование выводов, то в этом смысле она является выражением обоснованности процессуальных решений. Н.Д. Сухарева предлагает понимать под уголовно-процессуальными мотивами, являющимися элементами процессуального решения, совокупность доводов, приводимых следователем в подтверждение правильности своих выводов, при этом разделяет мотивы на фактические и юридические. Так, фактические мотивы отражают анализ исследованных в ходе предварительного следствия доказательств и позволяют понять, на основании чего сделан вывод о существовании тех или иных фактов либо об их отсутствии. Юридические мотивы раскрывают соответствие приведенных фактов и обстоятельств нормам материального и уголовно-процессуального права. Полагаем, что данный подход наиболее полно раскрывает сущность мотивированности принимаемого решения о прекращении уголовного преследования. Таким образом, мотивированность постановления о прекращении уголовного преследования предполагает: 1) наличие в описательной части постановления анализа доказательств, на основании которых следователь, орган дознания принял решение о прекращении уголовного преследования; 2) приведение доводов, указывающих на соответствие фактов и обстоятельств, установленных с помощью доказательств, тем фактическим обстоятельствам, наличие которых является основанием для прекращения уголовного преследования.

С целью совершенствования правоприменительной практики считаем возможным предусмотреть в УПК требование о необходимости изложения в постановлении о прекращении уголовного преследования либо предварительного расследования обоснования соответствия фактически установленных по делу, тем, которые являются основанием для прекращения уголовного преследования, на которые ссылается правоприменитель в резолютивной части постановления, что, по своей сути, и является требованием мотивированности принимаемых уголовно-процессуальных решений. В данной связи предлагаем дополнить редакцию ч. 1 ст. 251 УПК после слов «мерах пресечения» фразой следующего содержания: «доказательств, подтверждающих наличие фактически установленных обстоятельств, являющихся основанием для принятия решения».

УДК 343.1

П.В. Гридюшко

О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПРОКУРОРУ ПРАВА ВЫНЕСЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О ПРИВОДАХ ЛИЦ, НЕ ЯВИВШИХСЯ В СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

В абзаце 8 п. 1 Послания о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь, утвержденного указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454, среди ряда положений, направленных на разработку концептуальных направлений совершенствования законодательства, имеется указание на необходимость изучения целесообразности возложения на органы прокуратуры функций по обеспечению участия в судебном заседании потерпевших и свидетелей обвинения путем предоставления прокурору права вынесения постановления о приводе лиц, не явившихся в судебное разбирательство.

На первый взгляд анализ норм УПК Республики Беларусь, регламентирующих права и обязанности органа, ведущего уголовный процесс, в области применения привода, может свидетельствовать о непоследовательности законодателя в части наделения прокурора правом принятия об этом соответствующего процессуального решения. Так, согласно ч. 1 ст. 130 УПК Республики Беларусь в случае неявки по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший и свидетель могут быть подвергнуты приводу по мотивированному постановлению органа дознания, следователя, прокурора, судьи или по определению суда. Как видно, правом на применение привода обладает и прокурор. Однако ст. 294 УПК «Участие обвиняемого в судебном разбирательстве» однозначно определено, что правом подвергнуть приводу не явившегося в судебное разбирательство без уважительных причин обвиняемого обладает лишь суд. Вместе с тем в соответствии с полномочиями прокурора на стадии судебного разбирательства, закрепленными ч. 6 ст. 34 УПК, конкретно определено право прокурора как государственного обвинителя применять меры процессуального принуждения для обеспечения представления суду доказательств, т. е. целесообразность возложения на органы прокуратуры задачи по обеспечению участия в судебном заседании потерпевших и свидетелей обвинения выглядела бы логичной.

Вместе с тем анализ существующих теоретических положений и зарубежного опыта свидетельствует об обратном.

УПК не предоставляет прокурору никаких преимуществ перед другими участниками судебного разбирательства по представлению доказательств, заявлению ходатайств. В то же время закон ставит прокурора в процессуальное положение, отличающееся от процессуального положения иных участников судебного разбирательства. Это не его привилегия, а создание необходимых условий для успешного осуществления возложенных на него функций. Обвиняемый, потерпевший могут реагировать на нарушения закона, но могут и не делать этого. Прокурор же, выступая от имени государства, не только вправе, но и обязан принять меры к устранению нарушений закона, независимо от того, кем они допущены. Речь может идти в одинаковой мере как о составе суда, защитнике, так и об обвиняемом, потерпевшем и т. д. Применительно к рассматриваемой проблеме необходимо особо отметить, что прокурор в судебном разбирательстве не наделен в отношении его участников распорядительными функциями. Более того, он сам должен подчиняться решениям суда и распоряжениям председательствующего судебного заседания.

Проводя сравнительный анализ белорусского законодательства с законодательством зарубежных стран, необходимо отметить, что, например, УПК ФРГ прямо предусмотрена исключительная роль судьи в части руководства рассмотрением уголовного дела. Прокурор и иные участники процесса только с его разрешения могут задавать вопросы подсудимым, свидетелям, экспертам. Судья вправе запретить прокурору и защитнику задавать вызванным им свидетелям вопросы, а также отклонять их. В теории уголовного процесса ФРГ открыто признается, что такое доминирующее положение судьи обрекает прокурора на пассивное участие в судебном разбирательстве.

Уголовно-процессуальный закон как Российской Федерации, так и Республики Казахстан не предоставляют прокурору право принимать решение о приводе (причем не только в суде, но и, в отличие от Республики Беларусь, на стадии предварительного расследования). При этом следует отметить, что в первоначальной редакции УПК Российской Федерации предоставлял право вынесения постановления о приводе и прокурору, однако федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ в названную норму были внесены изменения, которые исключили прокурора из перечня участников процесса, наделенных данным правом. Новый УПК Украины также не предоставляет права прокурору в стадии судебного разбирательства принимать решение о применении привода.

Возвращаясь к белорусскому законодательству, следует еще раз подчеркнуть, что руководящая роль судьи при разбирательстве уголовных дел относительно всех участников заседания бесспорна. Тем не менее именно он в интересах правосудия принимает все предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по обеспечению равенства прав сторон, сохраняя объективность и беспристрастность, создает необходимые условия для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

Согласно ст. 24 УПК правосудие в Республике Беларусь осуществляется на основе состязательности и равенства сторон. Принцип состязательности и равноправия сторон означает такое построение судебной процедуры, которое обеспечивает в судебном заседании при рассмотрении уголовных дел размежевание процессуальных функций на сторону обвинения и сторону защиты, пользующуюся равными процессуальными правами для отстаивания своих позиций.

Основываясь на изложенном, полагаем возможным отметить, что предоставление органам прокуратуры права вынесения постановлений о приводах потерпевших и свидетелей обвинения, не явившихся в судебное заседание, может повлечь за собой ряд дополнительных сложностей:

1. Не совсем ясен статус «свидетель обвинения». Все ли это свидетели, которые указаны в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание или нет? В уголовно-процессуальном законодательстве такая терминология не предусмотрена. Лишь в теории уголовного процесса существует классификация доказательств, подразделяющая их на обвинительные и оправдательные. Если руководствоваться указанными положениями, то за судом останется право подвергать приводу иных свидетелей (т. е. «свидетелей защиты»). В таком случае при возникновении ситуации, когда на судебное заседание не явятся, например, два свидетеля: один – со стороны обвинения, второй – со стороны защиты, решения об их принудительном доставлении придется принимать в первом случае прокурору, во втором – суду.

2. Выполняя функцию обвинения, прокурор в ряде случаев может быть заинтересован в обязательной явке свидетеля со стороны защиты (например, для проведения допроса в суде и изобличения лживых показаний последнего, данных на предварительном следствии). Если же такой свидетель не явится на судебное разбирательство, то прокурор будет не вправе принимать решение о его приводе самостоятельно.

3. Предоставление распорядительных функций прокурору в отношении участников судебного разбирательства может вызвать сомнение в части соблюдения принципа осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон, провозглашенного в ст. 24 УПК, так как сторона защиты подобными правами располагать не будет.

Таким образом, возложение на органы прокуратуры функций по обеспечению участия в судебном заседании потерпевших и свидетелей обвинения (в том числе и путем применения мер процессуального принуждения) видится нецелесообразным.

УДК 343.14(476)

Д.Е. Данильчик

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИХ ДОПУСТИМОСТИ

Действующий в Республике Беларусь уголовно-процессуальный закон более тщательно позволяет взглянуть на процесс собирания доказательств и их оценку. Принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон создает необходимые условия для осуществления предоставленных сторонам прав и выполнения ими процессуальных обязанностей. Тем самым положение, связанное с установлением такого свойства доказательств, как допустимость, впервые возведено, по сути, на уровень принципа уголовного судопроизводства.

Но в то же время в действующем законодательстве возникли новые вопросы, связанные с проблемами и коллизиями в регламентации исключения недопустимых доказательств. Это требует глубокого теоретического осмысления новых концепций и идей, подробного изучения практики применения нового законодательства, ее обобщения и анализа с целью дальнейшего совершенствования категории допустимости доказательств в уголовном процессе.

В результате проведенного исследования стало возможным сформулировать ряд основных положений, требующих, по нашему мнению, проработки вопроса о внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон с учетом соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В связи с этим предлагается:

1. Ввести в УПК ст. 105¹ «Порядок признания доказательств недопустимыми», подробно излагающую процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств и последствия принятия такого решения. Кроме того, в этой же статье должно найти отражение положение о том, что доказательство признается недопустимым, если оно получено на основании другого доказательства, добытого с нарушением закона. К недопустимым доказательствам, в частности, также следует отнести:

показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;

показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показаниях свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

материалы ОРД, полученные в нарушение законодательства Республики Беларусь, прав и свобод личности, интересов общества и государства.

2. Внести изменения в ст. 103 УПК «Собирание доказательств». Наделить защитника правом не только представления доказательств, как указано в ч. 3 ст. 103 УПК, но и правом собирания доказательств путем:

получения предметов, документов и иных сведений;

опроса лиц с их согласия;

истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Предоставить возможность подозреваемому, обвиняемому, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям право собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.